

До того как при дворе ввели строгий запрет на азартные игры, Чу Чжаохуай умудрялся годами кормиться в лавках, промышлявших Гуаньпу. Имея при себе всего пару медяков, он доводил владельцев заведений до исступления, пока те не начинали гонять его палками. Мастерство лекаря было отточено до совершенства.

Никогда прежде юноша не играл на столь крупные суммы. Глядя на горы золота и серебра, заполнившие стол, он невольно сравнивал их с обычными камнями, которые в детстве кучами собирал на дорогах. Здесь, в столице, их было так же много.

«В Цзинчэне у людей денег явно больше, чем здравого смысла»

Если раньше он считал пребывание здесь скучным, то теперь готов был признать свою ошибку. Ради такого куша стоило задержаться ещё на какое-то время.

Молодые дворяне, чей азарт давно перерос в безумие, смотрели на него налитыми кровью глазами. Казалось, они вот-вот сорвут с себя парадные одежды и бросятся на оппонента с кулаками.

Чу Чжаохуай счёл это зрелище крайне вульгарным и недостойным.

— Маленькая игра — лишь способ развеяться, — нравоучительно произнес он. — Вы ведь все берёте деньги у родителей, верно? Если проиграете, то либо получите дома по шее, либо попытаетесь обмануть меня, несчастного Ванфэй. Вы ведь отпрыски благородных семейств, и в обоих случаях выглядеть это будет постыдно.

Присутствующие онемели.

Он просто вернул им их собственные слова, которыми они совсем недавно пытались его уколоть. Хуже всего было то, что они сами затеяли эту игру, и теперь, когда их так откровенно высмеяли, им оставалось лишь молча глотать обиду, скрывая ярость за плотно сжатыми зубами.

Юноша, проигравший больше всех, никак не мог смириться с поражением. Судя по тому, как к нему обращались, он был из знатного рода — молодой господин Цинь.

— Один раз выбросить лю чунь — это удача, но делать это в каждой партии — явное жульничество! — проревел он, и голос его сорвался на крик. — К золоту претензий нет, но вот твои руки... А ну-ка, покажи, что у тебя спрятано в правом рукаве! Вытряхивай всё немедленно!

Чу Чжаохуай замер.

«Неужели они и впрямь решили не платить?»

Цзи И, пребывавший до этого в глубоком оцепенении, вздрогнул от этого вопля. Он со сложным чувством посмотрел на подозрительно раздувшийся широкий рукав лекаря. Вытряхнуть-то содержимое можно было, вот только позор после этого вряд ли удастся смыть.

Наследник мельком взглянул на Лян Фана, который всё так же отрешённо взирал на происходящее, и холодно процедил:

— Смехота. Почему бы тогда сразу не обвинить нефритовое блюдо? Или вы просто решили увильнуть от уплаты долга?

Лян Фан, чей вид обычно наводил на мысли о глубокой меланхолии или неизлечимом недуге, тихо и сухо кашлянул.

— Шицзы изволит шутить, — мягко проговорил он, и голос его звучал почти ласково. — Эти господа — дети титулованных особ. В их семьях каждый — личность выдающаяся и уважаемая. Разве могут они опуститься до того, чтобы не оплатить проигрыш в какой-то партии в монеты?

Дворяне поперхнулись невысказанными словами.

Эти двое, работая в паре, окончательно загнали их в тупик, лишив малейшей возможности для протеста.

Чу Чжаохуай же решил раз и навсегда заставить их признать поражение. Он взял золотые монеты левой рукой, а правой демонстративно засучил широкий рукав, обнажая тонкое запястье и предплечье. На бледной коже едва заметно белел старый шрам.

— Смотрите внимательно... Не спускайте глаз, — он повертел кистью, словно забавляя ребёнка. — Видите? В руках у меня пусто.

Договорив, он разжал пальцы. Монеты с мелодичным перезвоном рухнули на блюдо, заплясали и замерли.

Лю чунь.

Чу Чжаохуай небрежно сгрёб со стола шесть обычных медных монет.

— У чунь, — объявил он.

Короткий взмах, и пять медяков легли одной стороной.

Толпа застыла. Они смотрели на руку Чу Чжаохуая с суеверным ужасом, не в силах поверить своим глазам. Казалось, он полностью подчинил себе волю случая.

Проигравшие чувствовали, как к горлу подкатывает желчь. Если бы они знали о его талантах заранее, то ни за что не переступили бы порог этого павильона.

Закончив демонстрацию, Чу Чжаохуай вежливо поинтересовался:

— Будем продолжать?

В ответ воцарилась тяжёлая, гнетущая тишина. Воля аристократов была окончательно сломлена.

Цзи И, который долго терпел их двуличие — подобострастие в лицо и насмешки за спиной, — теперь едва сдерживал торжество. Вид этих напыщенных юнцов, выглядевших так, словно они только что похоронили всё своё состояние, доставлял ему почти физическое наслаждение. Он знал: дома их ждёт суровая порка.

— Раз продолжать никто не желает, пора подводить итоги, — Шицзы на время отбросил мысли о том, кто скрывается под маской «Чу Чжаоцзяна». На его губах заиграла тонкая улыбка. — Кажется, кто-то упоминал о долговых расписках? Лян Фан, будь добр, подготовь бумаги, а молодой господин Цинь и остальные их подпишут.

молодой господин Цинь: «...»

Дворяне переглянулись, надеясь на чудо. Подписывать позорные бумаги им не хотелось, и все взоры обратились к Третьему принцу.

Тот лишь прищурился, сохраняя на лице маску любезности:

— Что вы на меня так смотрите? Уговор есть уговор. Мастерство Ванфэй вызывает лишь искреннее восхищение. Неужели вы и впрямь вздумали жульничать?

Юноши побледнели. Скрепя сердце и едва не ломая кисти, они принялись подписывать расписки.

Цзи И облегчённо выдохнул и украдкой взглянул на Чу Чжаохуая.

Тот сидел неподвижно, и даже тяжёлое меховое одеяние не могло скрыть его чрезмерную худобу. Он смотрел в пустоту, словно горы золота перед ним не имели никакого значения, и рассеянно перебирал пальцами шесть золотых монет. В его позе было нечто отрешённое, подобающее истинному мастеру, равнодушному к мирской суете.

«А монеты-то славные, — тем временем размышлял лекарь. — Если я тихонько суну их в карман, никто и не заметит. А дома переплавлю их и закажу золотой замок. На одной стороне вырежу „Богатство с первого взгляда“, а на другой — „Мир во всем мире“. А когда придёт мой час, зажму его в зубах и так и лягу в гроб»

Насладившись этими мечтами, Чу Чжаохуай с неохотой вернул монеты на стол. Из всего богатства он забрал лишь свою подвеску.

В павильоне было слишком много жаровен, воздух стал тяжёлым и душным.

Чу Чжаохуай снова начало укачивать. Голова шла кругом, и он, опершись о край стола, поднялся, намереваясь выйти на палубу за глотком свежего воздуха.

Цзи И вздрогнул и невольно потянулся к нему, но в последний миг вспомнил о залежах сладостей в его рукавах. Дёрнув уголок рта, он перехватил «Ванфэй» за край тяжёлого плаща.

— Чу... Постой.

Чу Чжаохуай склонил голову:

— Что такое?

Шицзы замялся, чувствуя себя не в своей тарелке:

— Ты... не заберёшь выигрыш?

Во взгляде Чу Чжаохуай читалось явное: «Ты что, подставить меня решил?»

Азартные игры при дворе были под запретом!

Пусть его и заставили играть силой, но если он примет деньги и на него донесут, со всеми уликами и свидетелями ему не миновать сотни ударов палками.

Лекарь легко расстался с мыслью о наживе и привычно изобразил на лице высшую степень бескорыстия:

— Ни к чему. Стоит ли беспокоиться из-за такой горстки серебра? Оставь себе на развлечения.

Цзи И: «...»

Чу Чжаохуай сам поразился собственным словам. Никогда бы он не подумал, что такая фраза сорвется с его губ. Теперь и умереть не жалко.

Цзи И же почувствовал подвох. Он был уверен, что тот притворяется — ведь при их прошлой встрече собеседник отделался горстью сухофруктов вместо подарка. Перед такой горой золота дрогнуло бы сердце даже у наследного принца, а этот человек...

Глаза Шицзы блеснули, он пристально посмотрел на Чу Чжаохуая.

«Неужели он сделал всё это только ради того, чтобы заступиться за меня, и деньги его вовсе не интересовали?»

Тем временем жара в помещении окончательно лишила лекаря сил. Помня о приличиях, он вежливо поклонился Третьему принцу, который всё ещё взирал на них с ядовитой полуулыбкой.

— Ваше Высочество, прошу прощения. Меня немного укачало, я выйду ненадолго.

Принц сквозь зубы процедил:

— Как вам будет угодно, Ванфэй.

Чу Чжаохуай развернулся, спеша уйти, но Цзи И внезапно схватил его за запястье.

Лекарь замер.

«Точно, совсем забыл. Наследничек ведь сегодня тоже что-то замышлял против меня»

Чу Чжаохуай, несмотря на дурноту, приготовился к обороне.

...Но вместо нападения Цзи И просто сгрёб со стола горсть золота и с каменным лицом запихнул её прямо в рукав Чу Чжаохуая.

Тот мгновенно напрягся.

«Он пытается подкинуть мне краденое, чтобы сдать страже, как только мы сойдём на берег?!»

Не успел он возмутиться, как Цзи И приглушенно пробормотал:

— Это... это моё. Возьми.

Чу Чжаохуай застыл, недоуменно глядя на него.

Должно быть, от жара углей лицо Шицзы стало пунцовым, краска дошла до самых ушей. Глаза его испуганно бегали, а рука, сжимавшая золото, заметно дрожала.

Налицо были все признаки сильного беспокойства и внутреннего жара.

Чу Чжаохуай невольно посочувствовал ему: «Такой молодой, а здоровье уже ни к чёрту».

Раз уж Цзи И добровольно отдал ему золото при свидетелях, обвинить его в краже будет трудно. Чу Чжаохуай не стал спорить с удачей и, спрятав золото поглубже в рукав, побрёл к выходу, придерживаясь за дверной косяк.

Как только дверь за ним закрылась, Цзи И наконец смог перевести дух.

Третий принц, наблюдавший за этой сценой, язвительно заметил:

— Видно, приданое Ванфэй и впрямь безгранично, раз он даже на такие суммы смотрит свысока.

Шицзы нахмурился и медленно повернулся к нему.

Почему сегодня принц так настойчиво нападает на супругу Цзин-вана?

Кто бы ни скрывался под этой маской, этот человек явно из поместья маркиза Чжэньюань, а Чу Цзин, как известно, водит дружбу с Восточным дворцом. Сторонники наследного принца и его собственного отца ведут в совете беспощадную войну, но неужели они настолько обезумели, что начали бить по своим?

Всё это выглядело крайне подозрительно. О случившемся нужно обязательно доложить отцу. Как и о том, что «Чу Чжаоцзян» — подделка...

Или об этом лучше промолчать?

Цзи И погрузился в раздумья.

Тем временем Лян Фан, то и дело зевая, закончил оформлять расписки и заставил дворян поставить подписи.

Услышав издевательский тон принца, молодой господин Цинь почувствовал за спиной поддержку и не удержался от шпильки:

— Шицзы поистине широк душой. Старый враг стал мачехой, а они живут в такой согласии... В театрах на озере Мин и то не встретишь столь захватывающих сюжетов.

— Тебе бы лучше о себе позаботиться, — холодно отозвался Цзи И. — Похоже, сегодня ты проиграл столько, что ближайшие пару лет тебе будет не на что смотреть спектакли.

— Ты!..

Видя, что Лян Фан едва держит глаза открытыми от усталости, наследник решил закончить этот балаган. Он собрал со стола остатки золота и расписки, после чего коротко кивнул:

— Час уже поздний. Оставляю этот павильон Вашему Высочеству. Наслаждайтесь видами, а мы с Лян Фаном пойдём.

Третий принц лишь коротко бросил:

— Гм.

Он даже не потрудился изобразить вежливость.

Цзи И это нисколько не задело. Он потянул за собой Лян Фана и направился к выходу.

Но стоило ему открыть дверь, как молодой господин Цинь, не в силах проглотить обиду, прошипел в спину так, чтобы Шицзы обязательно услышал:

— Некоторым суждено хвалиться лишь короткий миг. Как только Бог Несчастий испустит дух, этому никчемному слабаку останется только сдохнуть следом. Ему и защититься-то будет не за чьей спиной.

Снежный ветер ворвался в павильон, донося эти слова до ушей Цзи И.

Разумеется, Цинь сделал это намеренно.

Государь был стар, в Восточном дворце прочно обосновался наследник, а положение Цзи Сюня было слишком зыбким из-за его огромной власти над пограничными войсками. В Цзинчэне у каждого был выбор, и только у Цзин-вана его не оставалось: либо борьба, либо смерть.

Либо вечное забвение, либо полёт дракона к небесам.

Для всех вокруг Цзи Сюнь уже был мертвецом. А со смертью князя Цзин-вана обрывалась и жизнь его сына.

Многие и раньше позволяли себе подобные высказывания, зная, что Цзи И их слышит. Они прекрасно понимали: Шицзы лишь кажется свирепым и заносчивым, на деле же он — бумажный тигр, который не посмеет ввязаться в драку в столице, чтобы не навлечь ещё больших бед на своего отца. Безнаказанность породила в них наглость.

Юноша замер в дверях. Его челюсти были сжаты так крепко, что на нижней губе выступила кровь.

Лян Фан нахмурился. Третий принц был здесь, и как бы ни кипел гнев в душе друга, он должен был притвориться, что ничего не слышал.

Лян Фан легонько потянул Шицзы за рукав и прошептал:

— Пойдём.

Цзи И глубоко вздохнул и помог Лян Фану переступить порог.

За их спинами тут же раздался издевательский смех.

Лицо юноши вдруг стало пугающе спокойным.

— Ступай в соседнюю комнату и отдохни немного, — произнес он тихим, ровным голосом. — Я скоро приду.

Лян Фан опешил:

— Шицзы, что ты задумал?.. Не делай глупостей.

Цзи И ничего не ответил и просто развернулся.

— А И! — вскрикнул Лян Фан.

С глухим стуком резная деревянная дверь с силой захлопнулась изнутри.

Цзи И, не выказывая никаких эмоций, стремительным шагом пересек комнату. На глазах у всех он с яростной силой ударил молодого господина Цинь ногой прямо в грудь, отчего тот отлетел назад.

Грохот мебели и звон посуды заполнили павильон. Юноша, не сумев удержаться на ногах, опрокинул стол и повалился на пол.

Присутствующие даже не успели понять, что произошло. Даже Третий принц замер в изумлении: он никак не ожидал, что Шицзы, всегда глотавший обиды, посмеет поднять руку на дворянина при свидетелях.

молодой господин Цинь лежал, не в силах вздохнуть. Кровь прихлынула к его лицу, и он выплюнул сгусток на ковёр. Дрожащей рукой он вытер губы и, лишь спустя несколько секунд придя в себя, в ярости завопил:

— Цзи И! Ты что творишь?!

Вместо ответа наследник схватил тяжелую табуретку и швырнул её в тех, кто пытался его остановить. Его руки напряглись, на них вздулись вены; он мертвой хваткой вцепился в ворот Циня и прижал его к полу.

Тело Шицзы ещё не успело полностью окрепнуть, но сейчас в нём бушевала первобытная, неукротимая ярость.

Цзи И смотрел на врага сверху вниз, и в его глазах не было ничего, кроме бескрайнего ледяного презрения. Его губы шевельнулись, и он отчетливо, чеканя каждое слово, произнес:

— Как ты только что назвал моего отца? А ну-ка, повтори ещё раз.

***

На открытой палубе хуафана.

Чу Чжаохуай, совершенно обессиленный, повис на перилах, пытаясь прийти в себя. Вид мерцающей озерной глади лишь усиливал дурноту. С трудом преодолев себя, он засунул в рот сушеную сливу. Резкая кислинка немного прояснила сознание, и ему стало легче.

Пора было приниматься за дело.

Как только судно пристанет к берегу, Цзи И наверняка потащит его обратно в поместье, так что это был его единственный шанс.

Чу Чжаохуай твердо решил воспользоваться моментом и распустить слухи о «Чу Чжаоцзяне». Оглядевшись по сторонам, он заметил слугу с подносом и поманил его к себе.

Деньги открывают любые двери. А раз денег у него теперь было в избытке, он не сомневался, что слухи разлетятся по столице быстрее ветра.

В этот момент из павильона донесся приглушенный грохот.

«Там что, драка?»

Чу Чжаохуай мельком подумал об этом, но тут же выбросил всё из головы, сосредоточившись на разговоре со слугой.

***

Бам! Бам! Бам!

Крики и ругань, смешиваясь с воем снежной бури, доносились из соседнего павильона, заставляя голову раскалываться.

Инь Чжуншань поставил кувшин с холодным вином на столик и бросил взгляд на окно.

— Ванъе, кажется, у соседей начались беспорядки. Не желаете ли?..

В лютый зимний холод во всех покоях хуафана жарко топились печи, но здесь было холодно, как в леднике. Резные окна были распахнуты настежь, и порывы ветра вместе с хлопьями снега врывались внутрь, заставляя пламя свечей безумно плясать.

У открытого окна, полулежа на мягкой кушетке, расположился Цзи Сюнь. На нём было лишь лёгкое чёрное одеяние, наброшенное на плечи.

Снег, залетавший в комнату, густо припорошил его одежду, один рукав уже совсем промок. У его ног расплывалось пятно чьей-то крови — багровый поток медленно полз к подолу его чёрных одежд, замерзая на ледяном ветру.

Дослушав до самого интересного, Цзи Сюнь, пребывая в прекрасном расположении духа, слегка улыбнулся.

— Не нужно. Пусть дети развлекаются.

<http://bllate.org/book/15341/1372776>